

МОСКОВСКИЕ ВОССТАНИЯ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVII в. В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ И СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В. И. БУГАНОВ

Классовая борьба в России последней четверти XVII в. неизменно привлекала и привлекает внимание исследователей. Однако этот период истории классовой борьбы в России до сих пор недостаточно изучен в специальных исследованиях. Доныне бытуют неправильные представления о ряде событий этого времени, в частности о так называемых стрелецких восстаниях, которые характеризуются как реакционные «бунты», смыкающиеся будто бы с выступлениями консервативных кругов боярства и духовенства против петровских преобразований. Рассмотрение этого вопроса представляет, несомненно, самостоятельный интерес, так как позволяет выяснить взгляды многих поколений ученых на один из переломных моментов русской истории — события кануна преобразований начала XVIII столетия.

Задачей настоящей статьи является рассмотрение некоторых основных сочинений о классовой борьбе в России после Крестьянской войны под руководством С. Т. Разина и до конца XVII в. Главное внимание уделяется так называемым стрелецким восстаниям 1682 и 1698 гг.

* * *

Первые сочинения, связанные с событиями Московского восстания 1682 г., точнее с участием в нем раскольников, являются непосредственными откликами его современников. Они были своеобразными памфлетами, которым придавалось большое значение в идейной борьбе, развернувшейся между сторонниками и противниками офици-

ального православия. Два из них принадлежат патриарху Иоакиму и изданы в том же 1682 г. Обличающие учение раскольников, они направлены против «раскольникового мятежа», в котором приняли в той или иной форме участие, помимо стрельцов, московские посадские люди, крестьяне¹.

С иных позиций написана «История о вере и челобитная о стрельцах» Саввы Романова — монаха, раскольника, убежденного врага официальной церкви. Он сообщает, что раскольников поддерживали московские посадские люди («посадские люди многие на сие дело тшатыся»), описывает разгром правительством и официальной церковью раскольников, одержавших, по его мнению, моральную победу над представителями «еретической» официальной церкви².

Несколько лет спустя после событий 1682 г. было написано известное историческое сочинение Сильвестра Медведева «Созерцание краткое лет...»³, в котором содержится обстоятельное описание Московского восстания и событий, ему предшествовавших. Автор — ревностный сторонник Софьи — старался, конечно, замолчать роль царевны и ее приверженцев в событиях. В целом «Созерцание» написано с официальных дворянских позиций, его автор с явным неодобрением характеризует выступление стрельцов и других слоев московского населения.

В первой половине XVIII в. появился ряд сочинений (в основном дворянских авторов), посвященных Петру I или истории России в целом. В них так или иначе затрагивались события начала его царствования. Безмерное восхваление личности и деяний Петра I в этих сочинениях особенно усилилось после его смерти. Фимиам первому русскому императору и, наоборот, осуждение его соперницы — царевны Софьи — наложили неизбежный отпечаток на оценку восстаний 1682—1698 гг. Эти работы носили нередко публицистический характер. Таковы, к примеру, труды Ф. Прокоповича и Ф. Манкиева⁴.

В составленном бар. Гюйсеном «Журнале государя Петра I» с 1695 по 1715 гг. имеется описание стрелецкого восстания 1698 г. и последовавшего за ним розыска. Стрельцы здесь сравниваются «по своеволию» с древнеримскими преторианцами и турецкими янычарами, восставшими против своих властителей⁵. Это сравнение стало впоследствии весьма популярным среди историков. Подобная же характеристика восстания 1698 г. содержится в другом официозном «журнале» за 1698—1721 гг., изготовленном в конце правления Петра I⁶.

В том же духе восстания конца XVII в. описаны в сочинении кн. Б. И. Куракина, а также в составленной, вероятно, вскоре после смерти Петра I «Подробной летописи»⁷. Составитель ее не останавливается перед клеветой на стрельцов (грабежи, убийства и пр.), выдумыванием всяких подробностей («речи» 10-летнего Петра I и т. д.). Все эти басни впоследствии в еще большем обилии приводятся у П. Крекшина, И. Голикова, Я. Штелины и др.

В. Н. Татищеву принадлежит заслуга первого, хотя и весьма неполного, критического рассмотрения источников о восстании 1682 г. — записок С. Медведева и А. А. Матвеева. Автор пишет, что они «описали стрелецкий бунт 1682 г., токмо в сказаниях по

¹ Иоаким, патриарх. Слово на Никиту Пустосвята, М., 1682; его же. Увет духовный, М., 1682.

² «Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. Тихонравовым» т. V, М., 1863, отд. II, стр. 111—148.

³ «Сильвестра Медведева созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяно во гражданстве». С предисловием и примечаниями А. Прозоровского. ЧОИДР, 1894, кн. 4, разд. II, стр. 40—155.

⁴ Ф. Прокопович. История императора Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии, СПб., 1773, стр. 1—9, 11—12, 25—26; А. Я. Хилков. Ядро российской истории, М., 1784, стр. 368—372, 374—379 (Сочинение Ф. Манкиева долгое время приписывалось А. Я. Хилкову и было издано под фамилией последнего).

⁵ Ф. Туманский. Собрание разных записок и сочинений... о жизни и деяниях государя императора Петра Великого, ч. 3, СПб., 1787, стр. 102—112.

⁶ «Журнал или подневная записка... Петра Великого с 1698 г. даже до заключения Нейштатского мира», ч. I, СПб., 1770, стр. 1—3.

⁷ Б. И. Куракин. История о царе Петре Алексеевиче и ближних к нему людях, 1682—1694 гг. «Архив кн. Ф. А. Куракина, издаваемый под ред. М. И. Семецкого», кн. I, СПб., 1890, стр. 45—80; «Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии», ч. 4. СПб., 1799, стр. 77—124, 135—145, 165—166, 172—173.

страстям весьма не согласны». Причину этого он усматривает в том, что «графа Матвеева отец в оном (т. е. в «бунте». — В. Б.) убит, а Медведев сам тому бунту участником и тайных дел с Милославским предводителем был, за что после с Щегловитым и казнен»⁸. Утверждение Татищева об участии С. Медведева и тем более «предводительстве» во время восстания 1682 г. неточно, но автор прав, указывая, что ученый монах был на стороне партии Софьи и Милославского.

Вопросы истории классовой борьбы конца XVII в. оказались и в поле зрения М. В. Ломоносова, который составил в 1757 г. специальное «Описание стрелецких бунтов». Оно было написано для исправления ошибок в известной «Истории Петра Великого», над которой работал в то время Вольтер⁹. «Описание» Ломоносова было «экстрактом», составленным на основании ряда источников — донесения Розенбуша, известных ему по рукописям записок А. А. Матвеева, сочинения П. Крекшина¹⁰. В экстракте говорится о тяжелом положении стрельцов, их жалобах и волнениях, опасениях насчет возможной расправы с ними нового правительства. Использование сведений Матвеева и Крекшина наложило некоторый отпечаток на труд Ломоносова (преувеличение роли Софьи, Милославского и их клевретов, приведение «речи» Петра 5 июля и пр.); тем не менее он представляет краткое, но живое и довольно объективное описание событий 1682—1698 гг. Автор отмечает, в частности, «строгую дисциплину» среди восставших в 1682 г. В целом М. В. Ломоносов стоит на стороне Петра в его борьбе с Софьей. Это и понятно, так как известно, какую высокую оценку он давал преобразовательной деятельности Петра.

Традиции дворянских историков первой половины столетия в освещении вопроса продолжают известным писателем-классицистом А. П. Сумароковым. В работе о «стрелецком бунте» 1682 г.¹¹ действия восставших он описывает с негодованием и ненавистью убежденного крепостника. Представитель зарождавшейся буржуазной историографии И. И. Голиков в своем многотомном труде о боготворимом им Петре I при описании восстаний конца XVII в. следует баснословным рассказам «Подробной летописи». Крекшина, Штелина, Кафифоро, Феодози и других авторов XVIII в. Самыми черными красками характеризует он стрельцов и Софью¹².

Таким образом, в дворянской и зарождающейся буржуазной историографии XVIII в., касавшейся истории классовой борьбы в России последней четверти XVII в., крайне яркое выражение получила линия апологетического восхваления Петра. Стрелецкие восстания характеризовались как результат козней Софьи и Милославского. Не могло быть и речи о реальном подходе к положению стрельцов накануне восстания, к участию в движении московского «простонародства», хотя отдельные замечания на этот счет иногда проскальзывают (например, у Ломоносова, Голикова и др.). Несмотря на наличие опубликованных и архивных источников, сообщавших различные версии событий конца XVII в., в частности восстания 1682 г., в основу исторических построений были положены источники типа записок А. А. Матвеева, официальных «журналов», «Подробной летописи» и т. д., содержавшие явные неточности, искажения и просто фальсификации. Показания С. Медведева, С. Романова, Розенбуша, некоторых актов и др. во многом не были учтены. Научная критика источников по этому вопросу почти не производилась.

В условиях кризиса крепостнического строя, роста капитализма и усиления классовой борьбы взгляды историков отражали борьбу общественно-политических течений

⁸ В. Н. Татищев. История Российская..., кн. I, ч. I, стр. XIII.

⁹ М. В. Ломоносов. Примечания [на рукопись «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтера. 1757 г.]. Полн. собр. соч., т. 6, М.—Л., 1952, стр. 94.

¹⁰ М. В. Ломоносов. [Описание стрелецких бунтов и правления царевны Софьи]. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 99—131 (франц. текст), 132—161 (русс. перевод), 568—572 (примечания).

¹¹ А. П. Сумароков. Первый и главный стрелецкий бунт, бывший в Москве в 1682 г. в месяце майи. Полн. собр. соч., изд. Н. Новиковым, ч. VI, М., 1787, стр. 165—202.

¹² И. И. Голиков. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, ч. I, М., в университетской типографии Н. И. Новикова, 1788, стр. XI—XIII, 147—194, 208—229, 325—330; ч. XI, М., 1789, стр. 42; его же. Дополнения к деяниям Петра Великого, т. 4, М., 1790, стр. 3—21, 219—223; т. 5, М., 1791, стр. 157—158, 188, 198—223, 230—244; т. 17, М., 1796, стр. 22—27.

первой половины XIX в. Это сказалось и в оценке ими классовой борьбы последней четверти XVII в.

Идеолог реакционного дворянства Н. М. Карамзин писал, что в детские годы Петра I «самовольство вельмож, наглость стрельцов и властолюбие Софьи напоминали России несчастные времена смут боярских», то есть 30—40-е годы XVI в. Автор, таким образом, стрелецкие движения ставил на один уровень с действиями Софьи и «вельмож», однотипными с боярскими «смутами» времени Ивана Грозного¹³.

Из дворянских историков официально-охранительного направления второй четверти XIX в. большое внимание событиям конца XVII в. уделил Н. Г. Устрялов. В его многотомном исследовании о времени Петра I приводится обстоятельное описание восстаний и заговоров конца XVII в. Этот труд подводит итог изучению вопроса в дворянской историографии в течение XVIII — первой половины XIX в. Основная причина восстания заключается, по мнению Н. Г. Устрялова, в общем расстройстве всего государственного аппарата в конце столетия с его взяточничеством, поборами и т. д. Довольно подробно рассматривает он положение стрельцов накануне восстания, но с возмущением и неодобрением пишет об их «наглых» действиях, «бунте» раскольников. Автор обвиняет Софью и Милославского в расправах 15—17 мая 1682 г. При изложении событий восстания 1698 г. и розыска 1698—1699 гг. автор использовал архивные документы, в том числе розыскное дело 1698 г. Он приводит показания стрельцов о тяжести службы, хлебном недороде в этом году и голоде среди стрельцов, служивших в Великих Луках и других местах, недостаточном жалованье и т. д., но осуждает их выступление против такого порядка вещей, одобряет варварские методы во время сыска и его страшные последствия¹⁴.

Определенным шагом вперед в историографии вопроса были сочинения представителей буржуазной историографии первой половины XIX в. Так, в исследовании В. Берха¹⁵ основными причинами восстания считаются страх и недоверие стрельцов к действиям правящих кругов; автор обращает внимание на материальное положение стрельцов. Но в целом В. Берх выступает против стрелецкого восстания, хотя отмечает его обусловленность серьезными причинами, и рекомендует в подобных случаях осторожную политику в борьбе с восставшими. Близкие к В. Берху взгляды развивает Н. А. Арцыбашев¹⁶. Н. Полевой все изложение строит на противопоставлении коварных замыслов Софьи и ее клеветов и гения юного Петра¹⁷. В исследовании П. Щербальского¹⁸ довольно подробно рассматривается тяжелое положение стрельцов, но также не одобряются их распри с начальниками. Их волнениями воспользовалась партия Софьи («партия злонамеренных»), которая «показала несравненно больше искусства» в сравнении с Нарышкиными. Москвичи, принявшие то или иное участие в восстании, выступают у Щербальского, по существу, клеветами властной царевны.

Крупнейший буржуазный историк «государственной» школы середины XIX в. С. М. Соловьев отмечает, что накануне восстания 1682 г. жалобы на различные притеснения слышались со всех сторон, но он с одинаковым неодобрением говорит как о разнузданности стрелецких начальников, так и о «своеволии» стрельцов. И те и другие действия являлись выражением несостоятельности старинного дружинно-придворного устройства и указывали на необходимость его преобразования. Волнениями стрельцов воспользовались Софья и Милославский в своих целях, но в то же время стрельцы, убивая 15—17 мая ненавистных им лиц, руководствовались не указаниями Софьи, а своими собственными чувствами и соображениями. С. М. Соловьев говорит о полной изолированности стрельцов, утверждает, что они, ввиду всеобщей ненависти

¹³ Н. М. Карамзин. Пантеон российских авторов. Соч., т. 7, изд. 3, М., 1820, стр. 291—293.

¹⁴ Н. Устрялов. История царствования Петра Великого, т. I, СПб., 1858, стр. XXX—XXXVIII, 17—97, 268—289, 330—346; т. III, стр. 152—245.

¹⁵ В. Берх. Царствование царя Федора Алексеевича и история первого стрелецкого бунта, ч. 2, СПб., 1835, стр. 25—56.

¹⁶ Н. С. Арцыбашев. Повествование о России, т. III, М., 1843, стр. 188—226.

¹⁷ Н. Полевой. Обзорение русской истории до единодержавия Петра Великого, СПб., 1846, стр. 22—89, 174—193, 316—324.

¹⁸ П. Щербальский. Правление царевны Софьи, М., 1856, стр. 13—69, 131—137.

к ним, «трусили России», под которой подразумевает прежде всего дворянские полки, собранные к Троице осенью 1682 г. С. М. Соловьев довольно подробно рассматривает события между маем и сентябрем 1682 г., обычно скудно освещавшиеся в историографии, и едва ли не впервые сообщает на основании новых данных об отзвуках Московского восстания на Дону и в Южном Переяславле (1682—1683 гг.). Он использовал новые источники и опубликовал ряд документов по истории восстания 1682 г. Во то же время С. М. Соловьев излишне доверяет некоторым недостоверным показаниям источников, в частности А. А. Матвееву, изображает в трогательных тонах его отца А. С. Матвеева и т. д.¹⁹

Во время заговора Шакловитого 1689 г. попытка Софьи и ее фаворита поднять стрельцов была неудачной в связи с тем, что «самые дерзкие» стрельцы были удалены из Москвы. То же повторилось и в 1697 г. В 1698 г. стрельцы подняли восстание, так как были раздражены тяготами службы, бескормицей, засильем иностранцев. Соловьев отмечает волнения среди московского населения в связи с казнями стрельцов, усиление в стране самозванства, разбойничества, раскольнического движения, бегства на Дон, где скапливались недовольные.

Принципиально новый подход к изучению вопроса связан с именем Н. А. Добролюбова — одного из виднейших представителей революционно-демократического направления в русской историографии, выступавшего с решительной критикой (хотя и в эзоповской манере) дворянско-буржуазной исторической науки. Революционный характер мировоззрения Н. А. Добролюбова определил и его оценку исторических событий прошлого России, стремление показать решающую роль народных масс в историческом процессе, их борьбу против угнетателей. Статья Н. А. Добролюбова²⁰ представляет собой рецензию на три тома упомянутого выше исследования Н. Устрялова. Используя, помимо трех томов Устрялова, некоторые источники (например, «Созерцание» С. Медведева и др.), Н. А. Добролюбов с замечательным искусством исследует события стрелецких восстаний, решительно выступает против их истолкования в духе казенно-охранительной историографии. Он указывает, что восстание 1682 г. не было просто произведением Софьи и Милославского, а явилось результатом «предшествующих обстоятельств». После воцарения Петра стрельцы опасались, что «родственники Нарышкиных, забравши себе всю власть, станут их притеснять», как при Алексее Михайловиче притесняли народ родственники Б. И. Морозова и И. Д. Милославского. Эти опасения усилились с возвращением из ссылки в Москву А. С. Матвеева. Таким образом, Добролюбов недвусмысленно сближает восстания 1648, 1662 и 1682 гг.

Отмечая, что, не в пример событиям 1682 г., стрельцы не поддерживали Софию в 1689 г., Н. А. Добролюбов высказывает очень важные мысли, имевшие самое злободневное звучание в его время: «От чего зависело такое неимоверное различие в настроении умов и в направлении деятельности у стрельцов в эти недолгие промежутки времени, мы не беремся здесь решать. Но как бы то ни было, сличение этих двух годов — 1682 и 1689 — ясно показывает, что первый бунт стрелецкий был только направлен Софией, а не произведен ею. Да и вообще не может один — или даже несколько человек — произвести в массах волнение, к которому они не приготовлены, которое не бродит уже в умах их вследствие фактов прошедшей жизни». Стрелецкое восстание 1698 г. было возбуждено, «кажется, неблагоприятным, а может быть, даже и действительными притеснениями начальников, нежели какими-нибудь определенными замыслами в пользу старины». Рассматривая обстоятельства розыска Петра 1698—1699 гг., он отмечает стойкость стрельцов во время пыток. Эти высказывания Н. А. Добролюбова означали настоящий переворот в суждениях о стрелецких восстаниях конца XVII в.; в то же время возможности, заложенные в научной разработке такого подхода к вопросу, до сих пор не реализованы.

Известный историк-демократ А. Шапов выступил одновременно с Н. А. Добролюбовым против официально-охранительного толкования движения раскольников во вто-

¹⁹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. VII (тт. 13—14), М., 1962, стр. 261—302.

²⁰ Н. А. Добролюбов. Первые годы царствования Петра Великого (История царствования Петра Великого, СПб., 1858, три тома). Первое полное собр. соч. в четырех томах. Под ред. М. К. Лемке, т. 2, СПб., 1911, стр. 67—79, 133—135.

рой половине XVII в., в том числе во время восстания 1682 г. В его работах раскол предстает как народное движение. Он писал, что стрельцы в 1682 г. встали под знамя вождя раскольников Никиты Пустосвята не из-за религиозно-догматических разногласий с официальной церковью, а ради выступления против государственной власти («Ради возмущения против государя сия сотвориша» — по словам патриарха Иоакима.) Стрельцы «замыслили основать старообрядческое государство или раскольническую демократию»²¹. Раскол, по словам А. Шапова, воодушевлял и возбуждал все стрелецкие бунты, знаменовавшие конец Московского государства и начало Всероссийской империи. Стрельцы подняли под знаменем раскола восстание во имя равенства, против князей, бояр и начальных людей, против иностранцев и нововведений. Раскол все стрелецкие выступления сделал народными движениями. Несмотря на известную идеализацию раскольничьих, стрелецких движений, сильной стороной этих взглядов А. Шапова является указание на их народный, демократический характер. Стрелецкие восстания он ставит в ряд с другими выступлениями раскольников в конце XVII в. Он пишет, что и в «бунте» С. Разина раскол был душой движения, его объединяющей силой²².

Таким образом, изучение в первой половине XIX в. классовой борьбы указанного периода характеризуется определенными сдвигами в оценке самих восстаний, поскольку ряд авторов, прежде всего буржуазные историки (В. Берх, П. Щебальский, С. М. Соловьев и др.), признавали, что важными причинами или поводами для выступлений стрельцов были общее неблагополучие в делах государственного управления, материальные лишения, притеснения. Они рассматривали положение стрельцов, их волнения накануне восстания 1682 г. История стрелецких восстаний 1682 и 1698 г., розыска 1698—1699 гг. оказались разработанными гораздо полнее (Н. Устрялов, С. М. Соловьев и др.), были введены в оборот новые источники (акты, розыскные дела и др.). Расширение источниковедческой базы привело к тому, что многие выдумки, столь популярные в XVIII в., теперь пользовались меньшим вниманием. Но в оценке классовой борьбы последней четверти XVII в. большинство как дворянских, так и буржуазных историков следовало в основном по старому пути. Те авторы, в работах которых содержались элементы правильного анализа, сводили их на нет недоброжелательным отношением к восставшим стрельцам или к «мятежным» раскольникам, выступления которых против властей квалифицировались как «наглость», «буйство», «разнузданность» и т. д. Сами стрельцы рассматривались по-прежнему как орудие в руках то Софьи и Милославского, то раскольников и Хованского.

Решительную критику традиционного представления о классовой борьбе в конце XVII в. содержит работа Н. А. Добролюбова. В ней дана правильная оценка стрелецким восстаниям XVII в. как народным выступлениям против гнета феодально-крепостнического государства, подготовленным фактами прошедшей жизни. Мысль о народном характере движений конца XVII в., в том числе стрелецких восстаний, лежит в основе трактовки раскола в трудах А. П. Шапова.

Дворянско-буржуазная историография периода капитализма дала ряд серьезных исследований по истории классовой борьбы в России последней четверти XVII в. В научный оборот было введено большое количество новых архивных данных, в частности актового материала.

Из представителей дворянской историографии ряд исследований событиям конца XVII в. посвятил виднейший ученый официально-охранительного направления М. П. Погодин. Он, по существу, возвратился к старым выводам о стрельцах как слепом и послушном орудии Софьи и Милославского, а также раскольников. Перу Погодина принадлежат также исследования об источниках о восстании 1682 г., о казни Хованских, «деле» Шакловитого. К его взглядам на восстание 1682 г. впоследствии был близок Д. И. Иловайский²³. В статье М. И. Семева о стрелецком восстании и казнях 1698—1699 гг. позиция автора становится ясной с первых же строк: стрельцы «к сча-

²¹ А. Шапов. Русский раскол старообрядчества, Казань, 1859, стр. 477.

²² А. Шапов. Земство и раскол, вып. I, СПб., 1862, стр. 49—59.

²³ М. П. Погодин. Семнадцать первых лет в жизни императора Петра Великого. 1672—1689, М., 1875, стр. 67—68; см. там же. Исследования, стр. 3—223; Д. И. Иловайский. История России, т. 5, М., 1905, стр. 510—536.

стью, были наголову разгромлены», «и победители по воле великого, но сурового монарха отликовали свою победу рядом страшных и бесчеловечных казней»²⁴.

Детальная фактическая разработка истории народных движений последней четверти XVII в. связана прежде всего с деятельностью буржуазных ученых пореформенного периода. В их исследованиях немало ценных наблюдений о характере и размахе восстаний того времени. Однако историография второй половины XIX в. не могла подняться на такую высоту в оценке этих движений, которая характерна для работ Н. А. Добролюбова и А. П. Щапова.

Особое место в буржуазной историографии по этому вопросу занимает выдающееся исследование Н. Аристова. По Аристову, в конце XVII в. представителями народных сил явились стрельцы. Они выступили в поддержку правительства молодых неопытных царей, сделали попытку принести ему живые силы из народа, выступили против влияния двух враждебных государству сил — иностранцев (1698 г.) и бояр (1682 г.). Автор, по существу, пропагандирует мысль о благодетельности тесного союза народа с царским правительством в форме «народного представительства» (земские соборы или что-либо в этом роде). Н. Аристов пишет о «своеволии» стрельцов при наказании своих начальников, их «распущенности» после удачного исхода восстания в мае 1682 г. Хвалит Софью, «ловко и крепко взявшую правление в свои руки». В 1698 г. (у автора ошибочно — 1697 г.) стрельцы выступили против злоупотреблений властью в отсутствие царя, тягот дальних походов, плохого отношения Петра, усиления немецкого влияния и угнетения православных. Кроме того, их озлобляли придирки начальников, вычеты из жалованья. Их мятежный дух возбудили не интриги Софьи, а «недоверие к боярскому и иноземному московскому правлению, старинное земское желание — иметь долю участия в делах общественных». Несмотря на подавление восстания и «страшные казни», стрельцы не унимались и впоследствии, после расправ в Москве (волнения азовского гарнизона в 1698 г., Астраханское восстание, восстание К. Булавина, многочисленные разбои)²⁵.

Несмотря на ряд ошибочных положений, исследование Аристова является одним из немногих серьезных трудов по истории восстаний 1682—1689 гг., отмеченных в первую очередь стремлением рассматривать их как народные движения, занимающие свое место в ряду подобных же выступлений народа против властей во второй половине XVII — начале XVIII в.

В знаменитом «Курсе русской истории»²⁶ В. О. Ключевский пишет о «страшном стрелецком мятеже», а затем о «шумном раскольниковом движении с буйными выходами старообрядцев», восхищается твердостью 10-летнего мальчика Петра, «бывшего очевидцем кровавых сцен», когда перед ним «встала и вскрылась» старая Русь, «когда огражденный грозой палача и застенка кремлевский дворец превратился в большой сарай, и по нему бегали и шарилы одурелые стрельцы, отыскивая Нарышкиных, а потом буйствовали по всей Москве, пропивая добычу, взятую из богатых боярских и купеческих домов...» По Ключевскому, в Москве все либо молчали (духовенство), либо прятались (бояре и дворяне), «только холопы боярские вступились за поправленный порядок!» Они только ждали знака от своих господ и... не дождались! События 1689 г. — «новый стрелецкий умысел» против Петра и его матери, подстроенный Софьей со своим новым «голантом» Шакловитым. Стрельцы, поднявшие восстание в 1698 г., для Петра были его «старыми недругами, вновь поднятыми мятежной сестрой». Выдающийся историк (правда, не занимавшийся специально изучением вопроса) заменил объективный анализ классовых взаимоотношений свойственной ему афористичностью и блестящими литературно-психологическими зарисовками.

Последним в XIX в. серьезным исследованием о стрелецких восстаниях является статья Е. А. Белова²⁷. Источник брожения автор видит в спорах по вопросу о предпочтительности греческого образования (сторонниками которого были патриарх Иоаким

²⁴ М. И. Семевский. Восстания и казни стрельцов в 1698 г. (рассказ очевидца И. Г. Корба). «Отечественные записки», т. СXXXVI, СПб., 1861, стр. 103—130.

²⁵ Н. Аристов. Московские смуты в правление царевны Софьи Алексеевны, Варшава, 1871, стр. 58—158.

²⁶ В. О. Ключевский. Соч., т. IV, М., 1958, стр. 9—10, 17, 27.

²⁷ Е. А. Белов. Московские смуты в конце XVII в. ЖМНП, 1887, январь, стр. 99—146; февраль, стр. 319—366.

и Нарышкины) или латинского, католического (Софья, Голицын, С. Медведев); его симпатии на стороне ревнителей последнего. Он отрицательно характеризует Петра, Нарышкиных, выдвинувшихся в 1682 г., боярина А. С. Матвеева. Стрельцы не были ни передовыми, ни отсталыми элементами, а просто несчастными служилыми людьми, доведенными до бунтов. Но автор с осуждением пишет о «распущенных» стрельцах и бездеятельных в этот момент правителях (Нарышкины, Матвеев), которые не сумели своевременными и осторожными мерами предотвратить выступление стрельцов. Стрельцы в конечном счете у Белова превращаются в козыри, которые используются в политической игре.

«Корни» стрелецкого «бунта» 1698 г. Е. А. Белов основательно видит «в злоупотреблениях администрации» (тяжелая служба стрельцов, скудное содержание, бескормиза для лошадей). Достаточно было появиться настоящему или подстроеному (царевной Марфой) письму Софьи, чтобы поднять среди стрельцов бурю, тогда как во время заговора Шакловитого 1689 г. «их ничто не могло подвигнуть». Вряд ли можно что-либо возразить против его оценки розыска и казней 1698—1699 гг.: «Великий розыск 1699 г. производит более тяжелое впечатление, чем разгром Новгорода Грозным». Правда, он характеризует этот «бунт» как «дисциплинарное преступление», за которое надо было наказать начальников, его допустивших, но отвергает тезис о его направленности против преобразований Петра (только во время самого розыска начались бритье бород и перемены в одежде). Таким образом, в исследовании Е. А. Белова мы находим детальный и интересный разбор событий 1682—1699 гг.

Итак, вторую половину XIX в. можно считать весьма плодотворной для изучения классовой борьбы в России конца XVII столетия. В ряде работ (Н. Я. Аристов, Е. А. Белов и др.) в той или иной форме признается народный характер восстаний 1682 и 1698 гг. Впрочем, большинство авторов осуждало (или во всяком случае не одобряло) действия восставших. Отметим также характерные для работ этого времени источниковедческие моменты: во-первых, критическое отношение к фактам и сведениям, переполнявшим исторические сочинения XVIII и отчасти первой половины XIX в.; во-вторых, более серьезный и глубокий сравнительный анализ источников (в частности, критика записок А. А. Матвеева, большее внимание к актам, разрядным записям, сведениям С. Медведева, Розенбуша и др.); в-третьих, появление, помимо отдельных источниковедческих наблюдений, специального исследования об источниках по истории восстания 1682 г. (М. П. Погодин).

Кризис официальной историографии в период широкого развития революционного движения в начале XX в. чрезвычайно ярко проявился в весьма низком уровне сочинений историков о народных восстаниях конца XVII в. Преимущественно это были сочинения, приуроченные к юбилейной для царствующей династии дате — 300-летию дома Романовых; их качество и идейная направленность, как правило, соответствовали столь «высокому замыслу». С откровенно ортодоксальных позиций подходят к оценке стрельцких, раскольнических выступлений М. В. Ключков, К. Валишевский и др. Особым верноподданическим усердием, тошнотворным юбилейным славословием отмечены бездарная популярная брошюра П. Семенова, а также книга А. В. Балдина, специально посвященная выяснению причин восстания 1682 г.²⁸

Из крупных историков этого времени событиям конца XVII в. уделял внимание С. Ф. Платонов²⁹, наиболее яркий представитель реакционно-дворянского, официально-охранительного направления в исторической науке начала XX в. Он писал, что бесчинства начальника имели своим следствием жалобы стрельцов, которые после уступки правительства «разнуздались... окончательно». Политический характер движению стрельцов придали Милославские. Социальные, классовые корни движения 1682—1698 гг. остались вне внимания автора. Платонов, отмечая «ужасающие пытки» и жестокие казни стрельцов, активную роль Петра I во время казней, склонен все же к его

²⁸ М. В. Ключков. Москва при Петре Великом, «Москва в ее прошлом и настоящем», ч. I, М., 1910, стр. 18; К. Валишевский. Первые Романовы, М., 1911, стр. 388—390; П. Семенов. Стрелецкий бунт, М., 1912, стр. 6—96; А. В. Балдин. Очерки по истории России XVII в., вып. I. О причинах возникновения первого стрелецкого бунта (15 мая 1682 года) М., 1915.

²⁹ С. Ф. Платонов. Лекции по русской истории, изд. 10, Пг., 1917, стр. 463—469, 477—479, 485, 490—492.

оправданию, так как в 1698 г., по его словам, Петр I впервые рассчитался со старым порядком и стал проводить свои культурные новшества.

Идейный кризис буржуазной историографии к оценке классовой борьбы проявился в работах ученика В. О. Ключевского — акад. М. М. Богословского, деятельность которого продолжалась в годы Советской власти (ум. в 1929 г.) Автор собрал огромный фактический материал о событиях конца XVII в., в частности о стрелецких восстаниях и особенно «великом розыске» 1698—1699 гг., однако отказался от обобщений, ограничиваясь пересказом документов. В биографии Петра I³⁰ автор при оценке восстаний конца XVII в., по существу, отбрасывает историографию на 150—200 лет назад. Стрельцы рассматриваются им как орудие Софьи и Милославского, затем Хованского. События 15—17 мая, то есть акты классовой мести разбушевавшейся народной стихии, автор называет «кровавой трагедией», «варварскими казнями», хотя ниже при описании событий 1698—1699 гг. у него не нашлось ни слова осуждения в адрес палача царя Петра и адской кухни в пыточном селе Преображенском и ни слова сочувствия стрельцам.

Н. А. Рожков судил о событиях конца XVII в. с позиций вульгарного «экономического материализма»³¹. По его мнению, «западники» во главе с Софьей, «осоюзившись» с Хованским, который имел связи среди примкнувшей к расколу стрелецкой оппозиции, совершили переворот. Затем, опираясь на дворянство, они избавились от временных союзников — Хованского, стремившегося к престолу, и его стрельцов. Одновременно с подготовкой реформ Петра подготавливалась и оппозиция этим реформам в различных формах: во время московских волнений при Софье посадские люди и примыкавшие к ним стрельцы («посадско-стрелецкий бунт») шли навстречу расколу, так как меркантилизм вел к подчинению их крупному капиталу и дворянской государственности. Ряд положений Рожкова вызывает несомненный интерес (связь движений посадских людей и стрельцов, подготовка реформ и одновременно оппозиции в ответ на усиление гнета и др.), хотя в его построении много неясного, спорного и ошибочного (стрельцы — орудие Хованского и крайних западников; отсутствие указаний на причины стрелецких выступлений в мае 1682 г. и накануне этих событий и т. д.)

В целом изучение классовой борьбы конца XVII в. русской дворянско-буржуазной и мелкобуржуазной историографией периода империализма дало мало нового (исключая фактическую разработку вопроса в труде М. М. Богословского). В оценке движущих сил и классового смысла восстаний в центре государства это было отступлением назад, в XVIII столетие.

* * *

После 1917 г. в оценке классовой борьбы последней четверти XVII в. наступил качественно новый период.

Характеристика народных движений в России конца XVII столетия дана в знаменитом «Сжатом очерке» русской истории, принадлежащем перу выдающегося историка М. Н. Покровского³². Эти движения были направлены, по его словам, против гнета торгового капитала, политика которого опиралась на силу нового войска во главе с Петром. Стрельцы, смутно чувствуя, что новые порядки угрожают самому существованию стрелецкого войска, воспользовались внутренними раздорами при царском дворе, чтобы на некоторое время овладеть Москвой. При вторичной попытке восстания (1698 г.) стрельцы были разгромлены окончательно и почти поголовно истреблены Петром, который, по верному замечанию Покровского, «был не только самым талантливым и энергичным, но и самым жестоким из Романовых». Несмотря на ошибочность теории Покровского о торговом капитале в России XVII в., в его изображении стрельцы выступают в качестве самостоятельной силы, а не орудия придворных партий.

³⁰ М. М. Богословский. Петр I. Материалы для биографии. Под ред. проф. В. И. Лебедева, т. 1, М., 1940, стр. 37—48, 70—74, 76—88, 385—393; т. 2, М., 1941, стр. 408—412, 538—540; т. 3, М., 1946, стр. 26—126; его же. Заговор Цыклера. «Сб. статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову», Пг., 1922, стр. 330—340.

³¹ Н. А. Рожков. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики), т. 5, изд. 2, Л.—М., 1928, стр. 88—98.

³² М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке (от древнейших времен до конца XIX столетия), изд. 9, М.—Л., 1930, стр. 81—82, 89—91.

Заметным оживлением в изучении вопроса отличаются вторая половина 20-х и 30-е годы. Теория торгового капитализма М. Н. Покровского положена в основу исследования А. Н. Штрауха о московском восстании 1682 г.³³ Последнее он характеризует как мелкобуржуазную революцию, поскольку в Москве, как и в других городах, уже оформился класс буржуазии — мелкой (низы московского посада и стрельцов) и крупной (гости, стрелецкая и посадская верхушка). Несмотря на ошибочность такого подхода, автор правильно отмечает социальное расслоение не только среди посадских людей, но и среди стрельцов. Последние выступили в ответ на «вопиющее неправоудие». 15 мая разражается «стрелецкая революция». Но Хованский — этот, по словам автора, типичный осколок средневековья, деклассированный боярин, ставший в оппозицию к современности, — выступает у него вождем мелкого московского посада, «черных людей», самой «революции». Тем не менее восставшие не были чьим-либо оружием, они стремились к своим, хорошо осознанным целям и видели в партии Софьи только союзника. Характеризуя отношение к восстанию холопов, автор делит их на «холопскую аристократию» и массу полуничих «люмпенов»; только последние примкнули к движению и охотно воспользовались «кассацией холопского состояния», провозглашенной стрельцами.

Апогей успеха «мелкобуржуазной революции» — жалованная грамота от 6 июня и «стрелецко-боярское двоевластие» в мае — июне 1682 г. Автор, характеризуя вождей движения, в частности «вождя крайней левой» стрельца А. Юдина, высказывает вслед за Соловьевым интересное предположение о том, что именно ему, а не Хованскому принадлежало фактическое руководство событиями. Причина поражения «посадской революции 1682 г.», по мнению Штрауха, — в слабости социальной позиции восставших («мелкой буржуазии») как в столице, так и во всей стране, особенно в изолированности посадского движения от крестьянства. Несмотря на ряд ошибочных положений («о мелкобуржуазном» характере восстания, роли Хованского и т. д.), модернизацию в терминологии («перманентные митинги», «стрелецкий ультиматум», «придворная камарилья» и т. д.), работа Штрауха — ценный вклад в историографию вопроса.

М. Н. Тихомиров издал небольшую, но интересную повесть о стрелецком восстании 1682 г.³⁴ Л. В. Черепнин выступил с очень важной статьей, посвященной классовой борьбе на юге государства в 1682 г., иногда прямо связанной с московским восстанием. Автор ставит в общей форме и вопрос о смысле восстания 1682 г. в столице, которое он справедливо рассматривает как одно из звеньев в развитии классовой борьбы в Русском государстве XVII в. против роста феодально-крепостнического гнета.³⁵

Несмотря на новую постановку вопроса о классовой борьбе в конце XVII в., в частности, что особенно важно, о московском восстании 1682 г., приходится отметить тот факт, что в 40—50-е годы в советской историографии восторжествовала в целом точка зрения на так называемые «стрелецкие бунты», по сути дела, мало чем отличающаяся от выводов историков XVIII — первой половины XIX вв. Немалую роль в оценке стрелецких восстаний конца XVII в. как «реакционных бунтов» сыграли известные высказывания о конспекте учебника истории СССР во времена культа личности Сталина. В них стрелецкие восстания конца XVII в. характеризовались как реакционные выступления, игравшие роль резерва в борьбе реакционного боярства и духовенства против преобразований Петра. Подобная точка зрения на «стрелецкие бунты» (реакционные выступления против начинавшихся преобразований) стала в общем господствующей в исторической науке.³⁶ Это отразилось в соответствующих главах и разделах вузовских учебников и обобщающих трудов, изданных Институтом истории АН СССР, и перешло

³³ А. Н. Штраух. Стрелецкий бунт 1682 г. «Научные труды индустриально-педагогического института им. К. Либкнехта, серия социально-экономическая», вып. I, М., 1928, стр. 11—55.

³⁴ М. Н. Тихомиров. Заметки земского дьячка второй половины XVII в. «Исторический архив», т. II, М.—Л., 1939, стр. 93—100.

³⁵ Л. В. Черепнин. Классовая борьба в 1682 г. на юге Московского государства. «Исторические записки», т. 4, стр. 41—75.

³⁶ См. В. В. Мавродин. Петр I, Л., 1945, стр. 10—13, 19—21, 30—31, 35—36; Б. Б. Кафенгауз. Петр I и его время, М., 1948, стр. 8—9, 12—15, 31, 41—44. Н. Б. Голицова. Политические процессы в царствование Петра I. По материалам Преображенского приказа, М., 1957, стр. 69 и сл.

в школьные учебники. В таком издании, как «История Москвы», составители раздела о классовой борьбе в XVII в. даже не упомянули о восстании 1682 г.

В то же время в 40-х — начале 60-х годов появились работы, в которых иначе оцениваются стрелецкие движения.

Из работ, специально посвященных восстанию 1682 г., можно пока назвать только диссертацию А. П. Станевич³⁷, в которой на основе анализа уже известного и дополнительного архивного материала это движение, характеризовавшееся ранее как исключительно стрелецкое, рассматривается уже как движение стрельцов, солдат, части московских посадских людей, холопов и прямо называется «Московским восстанием». Автор детально рассмотрел положение стрельцов и других слоев населения накануне выступления, охарактеризовал их роль на различных этапах восстания. В этом несомненная заслуга А. П. Станевич. Необходимо все же отметить, что история восстания изучена автором недостаточно детально и углубленно: это касается прежде всего обзора источников и историографии (достаточно сказать об отсутствии даже упоминаний о работах Добролюбова, Щапова, Богословского, Покровского и многих других). Неглубоко охарактеризованы предпосылки, ход восстания, отклики на него.

Для истории восстания 1682 г. большой интерес представляет опубликованная М. Н. Тихомировым «Повесть», автором которой был очевидец московских событий, изобразивший с большим неодобрением стрелецкие расправы. Описание двух других повестей, а также их тексты опубликованы автором настоящей работы³⁸.

Таким образом, в советской историографии появились исследования, для которых характерна серьезная разработка фактической истории московского восстания 1682 г., стрелецкого сыска 1698—1699 гг. и др. Однако единодушные в суждениях о «стрелецких бунтах» 1682—1698 гг. отсутствует. В 20-е — начале 30-х годов они рассматривались как движения народные, антифеодальные, хотя эта оценка сопровождалась ошибками методологическими (теория «торгового капитализма» Покровского и т. д.) и фактическими (характеристика Хованского как «народного вождя» и т. д. в работах Штрауха и др.). С конца 30-х годов наметились две линии в оценке этих восстаний. Господствующие позиции завоевала точка зрения исследователей (Богоявленский и др.), выдвинувших тезис о реакционном характере восстаний стрельцов, являвшихся будто бы опорой консервативного боярства и духовенства в их борьбе с начинавшимися преобразованиями Петра I. По существу, такая точка зрения означала возврат к «государственным» догмам историков XVIII — первой половины XIX вв., исходным пунктом которых в конечном счете являлись представления о событиях конца XVII в., сложившиеся у Петра I и «птенцов гнезда Петрова».

Другая точка зрения представлена единичными работами (исследования Л. В. Черепнина и В. Глаголева³⁹ о движениях на юге, в которых о восстании 1682 г. в Москве говорится, естественно, лишь попутно, и диссертация А. П. Станевич). В них дается правильная характеристика классового смысла и направленности московского восстания 1682 г. Вывод указанных авторов о том, что это восстание стоит в ряду других народных движений второй половины XVII в., заслуживает самого пристального внимания. Хотя он и не получил «права гражданства» в исторической науке, но по существу ставит вопрос о переоценке так называемых стрелецких движений в России конца XVII в.

Задачей советских историков является дополнительное исследование всего комплекса народных движений последней четверти XVII в. с целью показать их антифеодальную направленность и неразрывную связь с предыдущей и последующей классовой борьбой русского народа.

³⁷ А. П. Станевич. Московское восстание 1682 г., рукопись канд. дисс., б/м и б/г, стр. 110—389.

³⁸ М. Н. Тихомиров. Записки приказных людей конца XVII в. «Труды отдела древнерусской литературы», т. XII, М.—Л., 1956, стр. 442—457; В. И. Буганов, В. А. Кучкин. Новые материалы о московских восстаниях XVII в. «Исторический архив», 1961, № 1, стр. 151—153; Хрестоматия по истории СССР XVI—XVII вв. Под ред. А. А. Зимина, М., 1962, стр. 471, 509—513; В. И. Буганов. Новый источник о Московском восстании 1682 г. «Исследования по отечественному источниковедению», М., 1964.

³⁹ В. Глаголев. Движение на Дону и на юге России весной 1682 г. «УЗ Моск гос. заочн. пед. ин-та», т. I, М., 1958, стр. 115—196.